

Письма из Чехословакии

АВТОНОМИЯ СЛОВАКИИ

Вопрос об автономии Словакии составляет один из самых острых и важных вопросов, стоящих перед Чехословацкой Республикой.

Новое государство, создавшееся на развалинах Австро-Венгерской Империи, составлено из двух частей: из «Земель Короны Чешской» (Чехия, Моравия и Силезия) и областей бывшей Венгрии — Словакии и Подкарпатской Руси.

Словацкий народ, чешский и словацкий слились в единое государство.

Но судьбы их и под общей государственной крышей не оказались одинаковыми.

Революция, культурная и экономическая различия сохранились, как и различия во всем бытовом укладе, создавшемся при неодинаковых условиях.

Центробюджетные силы, побужденные силами центристскими в первый период после свержения австро-венгерского ига и образования нового чехословацкого государства, по мере его упрочения вновь переместились на первый план.

Появился вопрос о словацкой автономии.

Автономия, как известно, понятие очень растяжимое и между ее крайними пределами ужимаются как законодательные пожелания, так и крайние стремления разрушительных элементов государства. В данном случае, прежде всего, стремления коммунистов, которые рьяно используют благоприятное для них центробюджетное течение и начали кричать о «чехизации» Словакии и порабощении края, признавая за ним право на полное отделение.

Коммунисты и словаки в парламенте оказались совместно в оппозиции против коалиционного большинства, для трудно себя представить больше разнородные элементы, чья интернационалистская, действующая по указке Коминтерна и националисты — жерикалы, возглавляемые католическим священником.

Перед правящим коалиционным большинством парламента стала задача исключительной трудности, так как здесь переплелись интересы государственные, национальные и религиозные с временными парламентскими комбинациями.

Словаки составляют большинство в Словакии (37% по старой венгерской статистике или чуть больше 68 проц. по новой, чешской), отбрасывая на это роде место мажоритар (30% по венгерской статистике и 21 проц. по чешской).

Нации в этом крае составляют не большой процент населения (5-6%). Но зато немцы составляют целую треть населения в землях Короны Чешской и охотно поддерживают всякие стремления, направленные к ослаблению единства и сплоченности славянского государства.

Таким образом создается чрезвычайно сложная обстановка, при наличии которой некоторый антагонизм, никогда полностью не исчезающий между чехами и словаками, пускается в ход антигосударственными элементами для того, чтобы раздуть его чуть не в межвоенную войну.

Предупреждение междоусобицы в данном случае может быть предотвращено двумя путями: борьбой с разрушительными элементами, с одной

стороны, и удовлетворением законодательных пожеланий словацкой автономии, с другой стороны.

Вопрос о необходимости теперь же вступить на второй путь, отнюдь не исключаяй борьбы с антигосударственными элементами, поставлен партией народных демократов.

Лидер партии д-р К. И. Крамарж озвучил весь вопрос в полном его объеме и сразу поставил его на практическую почву.

Руководимая им партия в лиц депутатов обих палат наметила разлик, в которых должен быть разрешен этот вопрос.

Совещание депутатов в Праге и в центре Словакии, Братислава, выработало основные положения, сущности которых сводится к необходимости предоставления Словакии очень широкой культурной, экономической и административной автономии при обязательном условии сохранения государственного единства.

Требование д-ра Крамаржа в Братиславу и его выступления на нескольких собраниях с горячим патриотическим призывом к единению втает словацкого народа послужили поводом для оценок по его адресу со стороны тех элементов населения, которым дорого это единение.

Д-р Крамарж заявил, что возлагаемая им фракция народных демократов возьмет на себя в парламенте инициативу в деле образования Словацкой автономии, который должен немедленно приступить к рассмотрению Словацкого вопроса. Это решение вырывает из рук антигосударственных элементов очень сильное оружие.

Постановка этого острого вопроса в очередь дня будет конечно, способствовать новому взрыву партийных страстей. Однако, избежать этого взрыва невозможно и государственные люди Чехословацкой республики имеют мужество не уклоняться от разрешения самых трудных вопросов, когда это, действительно, необходимо.

С. Варшавский.

Швейцария и большевики

ПИСЬМО ОБЕРА

20-го января в «Газете де Лозанна» напечатано нижеследующее письмо г. Обера, бывшего зампинка Коирали и Полуняна и в настоящее время Председателя Бюро Международной Антибольшевицкой Лиги: —

Г. Редактор.

Советский шантаж объектом которого в настоящее время является Швейцария в связи с вопросом о созыве Конференции по разоружению, вновь привлекает внимание к вердикту присяжных в деле Воробского.

Как это ни странно в Швейцарии есть видны до сего времени люди, кои еще не уразумели истинного значения этого вердикта.

Если присяжные, отбывшие характер своего голосования принципиально неодобрительное отношение ко всякого рода убийствам — вынесли тем не менее оправдательный приговор обвиняемому, то это объясняется лишь тем, что перед Лозанским судом был вынужден предстать и другой обвиняемый: **Большевик.**

В течение целой недели длились трагические показания свидетелей и большевик был обвинен. Присяжные охваченные непреодолимым отвращением, должны были признать что те другие обвиняемые, их семьи, их родные были лишены по отношению к большевикам всякой защиты.

Они осудили большевиков и освободили обвиняемых. Таким образом вердикт Лозанского суда есть акт благоволения (в духе Чехи могущественна и мстительна) и моральной чистоты.

В то время как в других странах люди в угоду безсовестной жадности не стыдятся принимать участие в банкетах советско-польских оплеченных кровью и мучениями русского народа и председатели съездовых тьми кои повинны в этих мучительствах — как Раковский в Киве, — в это самое время наши приличные господа провозгласили преступление советской власти перед лицом всего мира.

Они были поняты не только двумя миллионами русских эмигрантов и теми кто мучается в России, но и всеми теми кто в цѣлом мире знает об отвратительных преступлениях власти отрицающей Бога, и все моральные основы человечества.

Для Швейцарии является величайшей честью, что она несмотря на примр Великих Держав, отказывалась признать до сих пор большевиков. Это является доказательством морального достоинства нашей страны.

Да не отступит от него Швейцария ибо лишь в этом моральное достоинство является ее единственная сила, причина всеобщего к ней уважения и истинный источник швейцарского патриотизма. Будем осторожны дабы не ослабить в нашем народе и особенно в нашей молодежи сознание принадлежности к свободной честной и морально чистой нации, которая чуждается всяких сношений с теми, кои угнетают и развращают себя подвластных.

Теодор Обер.

Женева.

18 января 1926 г.

Тяжелый случай

Не без улыбки прочитал я рассуждения газеты «Либерте» о советской работе в Ташкенте и о советской помощи Абду-эль-Криму.

С недоумением отмечаю «Либерте», как икий Муттерильяк, агент Москвы, основал в Берлине, а затем в Фрэнции, бюро помощи Абду-эль-Криму и как, под позою французских властей, из французского порта (Марсель) на французском пароходе (Ламорисьер) в действующую армию Абду-эль-Крима отправился московский начальник вражеской артиллерии, полковник Кунтушев, и московский авиатор, Говоруский.

«Через 15 дней эти люди, — говорит «Либерте», — бомбардировали французские лагеря и убили 50 французских солдат».

Что и говорить, случай, можно сказать, тяжелый.

Из французской гавани, на французском пароходе, при содействии французских депутатов — коммунистов. Очень тяжелый случай.

И что особенно неприятно, так это то, что пока советские артиллеристы обстреливали французских солдат, — французский сенатор де Монзи устраивал банкеты в честь советских посланцев и подымал тост за франко-советскую дружбу.

Но будем говорить откровенно. Кто же виноват в этом дурацком случае?

— Развѣ советы вас обманывали, господа?

— Да насколько. Черным по белому, во всех своих программах, они писали и продолжают писать: — Наша задача — свернуть шею всем европейским правительствам. Никакими средствами мы не брезгуем и никакими сантиментами не признаем. Наши депутаты заходят во все Еврейские парламенты, но они делят нас, а не наше дело. Наши депутаты — это наши офицеры во вражеском стане. Подъ шитою «свободы слова», они разрушают государственность и в нужную минуту они, конечно, откроют ворота буржуазного отечества для вторжения красного воинства.

Скажите, развѣ это неправда?

Во всех европейских парламентах заходят, в качестве депутатов, офицеры коминтерна и каждое правительство платит этим чужим и явно враждебным офицерам, жалование и гарантирует им неприкосновенность личности и свободу пропаганды. И это во время парламентской войны, объявленной коминтерном!

Совершенно открыто и без малейшего стѣснения, эти чужие офицеры враждующей страны говорят: — Никакого отечества мы не признаем и всякую власть, кроме нашей, отрицаем.

— Никакая присяга для нас не обязательна. Мы клянемся только в одном — что всеми силами постараемся свернуть шею нашему правительству, а если можно будет, то и нашим дорогим соседям.

Без всякого сомнения, эта всевропейская привилегия, которой пользуются на континенте международная секта и вѣрные шайка, очень отдалает сумасшедшим домом.

— Что сказали бы вы, если бы в московском совнарком, на равных правах с коммунистами, заседали г. Г. Миллеран, Луанкар, Клемансо? Такой случай даже и представить себе нельзя.

Но зато можно (и очень можно!) представить себе обратный случай, когда агенты Москвы, ее покорные слуги и вѣрные подданные коминтерна, заседающие в европейском парламенте, пользуются гарантированной неприкосновенностью личностной и работают на погибель и поражение не «таких называемой» родины.

Согласитесь, что при таких обстоятельствах, негодование газеты «Либерте» отласть некоторой... несподручательно. Люди ишли в своем распорядке восемь лет для спокойного и даже научного изучения вопроса, и... удивляются теперь, что на их головы подожгли волосы...

Впрочем, эта несподручательность свойственна не только французам. У нас тоже можно наблюдать тоже самое и даже в превосходнейших степенях.

В Берлинском парламенте показывали московское оружие, присланное для устройства в Германии восстания. Показывали и говорили: — Это вы прислали оружие?... — Конечно, мы.

— И пять миллионов долларов на рязно у нас тоже вы ассигновали? — Ассигновали.

— И прислали нам бациллы чумы и холеры? — Прислали...

— И убивали на улицах наших солдат и поливальных?... — И убивали.

— Но мы приняли мѣры и ваши планы не удались.

— Сегодня не удались — завтра удадутся.

— Но что же теперь мы будем делать с вами?

— А теперь возобновим наш дружеский Раппальский договор и подыдем к вам в посольство «кавари» встать.

И вѣдь вѣдут! Постъ оружия, постъ холерных бацилл, постъ убийств и позстаний — вѣдут. И закусывают, и выпивают. До новой встречи на баррикадах...

Но согласитесь, однако, что все это, взятое вместе, едва ли можно назвать «терпимостью» и «политической свободой».

Это заслуживает совсем другого названия...

Александр Яблоновский

Опять письмо Горького

В 52-ой советской школе при разборе рассказа Максима Горького «Конавалов» возник спор, что было бы с Конаваловым, если бы он попал на фабрику в более организованную массу, и принял бы участие в борьбе рабочих. Как известно, рассказ «Конавалов» был написан Горьким по поводу газетной заметки, сообщившей о том, что в Муромѣ повисла пекарь Конавалов.

Один из участников послал Максиму Горькому в Италию письмо, прося его высказать мнение по существу спора. В ответъ Максим Горький прислал следующее письмо:

Желаю вам, товарищи, всего доброго и хороших успехов в новом году.

Хочется мнѣ, чтобы вы прочитали мой рассказ «Хозяин» и сказали бы мнѣ, какъ онъ вамъ понравился. Приветъ.

(«Известия») М. Горький

«Дорогие мои товарищи. В Муромѣ повисла не тотъ Конавалов, о котором я писал, а какъ оказывается — однофамилецъ его. Меня ввела в заблуждение газетная заметка и тотъ факт, что друг мой А. В. Конавалов, был уроженецъ Мурома. Друг же мой умер в 1902 году, спустя 6 летъ после того, какъ я напечатал рассказ. Умер онъ в Одессѣ. Врагъ, лезший к нему, сказал ему однажды, что есть рассказ о пекарѣ Конаваловѣ, и коротко передал содержание рассказа. Онъ тотчас же рѣшил, что рассказ написан мной «Лешей Грохолом». Это было мое прозвище в ту пору. Онъ попросил доктора Лундберга написать мнѣ о том, что онъ, Конавалов, живъ еще, но умираетъ. Доктор написал мнѣ о немъ. Такимъ образом, вопрос о самоубийствѣ Конавалова отпадает».

Были ли или не были горьковский босяк способен к коммунистическому строительству — это вопрос праздный.

Но что босяк участие в большевистской революции принимал, и при этом в полном виде — это не подлежит сомнению. Да и в программном смысле это несколько не противоречит партийным заветам и традициям. Еще Бакунин по этому поводу говорил: — Намъ надо заключить союз со всеми врагами и разбойниками земли русской.

Таким образом, теперь, когда союз уже заключен и дело в свои результаты в социалистическом «строительстве», поздно говорить, что полное состояние горьковских героев помѣшало бы партийной работѣ.

Нисколько не помѣшало.

Лично я думаю, что Конавалов не был бы способен к партийной работѣ, потому что этому мѣшало бы его алкогонизм — болѣзнь, неизлечимая в его возрастѣ.

Желаю вам, товарищи, всего доброго и хороших успехов в новом году.

Хочется мнѣ, чтобы вы прочитали мой рассказ «Хозяин» и сказали бы мнѣ, какъ онъ вамъ понравился. Приветъ.

(«Известия») М. Горький

Были ли или не были горьковский босяк способен к коммунистическому строительству — это вопрос праздный.

Но что босяк участие в большевистской революции принимал, и при этом в полном виде — это не подлежит сомнению. Да и в программном смысле это несколько не противоречит партийным заветам и традициям. Еще Бакунин по этому поводу говорил: — Намъ надо заключить союз со всеми врагами и разбойниками земли русской.

Таким образом, теперь, когда союз уже заключен и дело в свои результаты в социалистическом «строительстве», поздно говорить, что полное состояние горьковских героев помѣшало бы партийной работѣ.

Нисколько не помѣшало.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

- При перевозѣ в Латвию в Англию похвачены судучекъ съ облигациями латвийскаго казначейства на сумму 700.000 ф. ст.
- В Японіи свирѣпствуетъ сибирская буба. Такого количества сибиря тамъ не было больше 35 летъ.
- В Харгубе британскій Верховный Комиссаръ присутствовалъ при торжественномъ открытіи новой большой плотины на Голубомъ Нилѣ.
- Заключены торговый договоръ между Италией и Албанией.
- Изъ Цепалии вылетаютъ на два къ Аргентинѣ два летчика. Франко и Рустъ де Азала.
- Вѣннская торговля Польши за декабрь 1925 года дала слѣдующія цифры: импортъ — 64 милл. злотыхъ, экспортъ — 187 милл. злотыхъ.
- Вельгійская королева при посещении заводныхъ мѣстностей присутствовала. Она задержана болѣзью въ замкѣ Лекенѣ.

Записная книжка

Мой отецъ говаривалъ съ презрительной улыбкой: — А чортъ съ ними всеми! Я не червонецъ, чтобы нравиться всемъ... Правильно, очень хорошо.

Удивительно предсказал Боратынский въ одномъ своемъ стихотвореніи: «И будетъ Фюфановъ писать...»

А еще удивительно предсказал Гете: — Будетъ поэзия безъ поэзии, гдѣ все будетъ заключаться въ дѣлани: будетъ мануфактуръ — поэзия.

Прочелъ новое произведение Н. Н. Похоже на деревянное яйцо, состоящее изъ нескольких, другъ въ друга вклипывающихся. Очень какъ будто сложено и заманчиво: безъ конца вынимаешь одно изъ другого. А что толку? Последнее — крохотное да вдобавокъ еще и пустое.

И сколько теперь такихъ произведений!

Писатель, нищий, самого простого звания, хромой, страшно самолюбивый, обидчивый, природный лодыр, бездарный и невѣжественный, но внутренне наглый, огромнаго самолюбія.

Писателемъ, талантомъ и человекомъ самымъ переловымъ, лѣвѣе убѣжденный вообразилъ себя потому, что росъ въ сѣдности, что околѣбленъ на богатѣй, что сидѣлъ въ Бутырской тюрьмѣ и, главное, въ силу того, что ужъ очень легко стало въ одинъ день свѣдѣться знаменитостью, объяснявши себя чорѣмъ, поднимавшимся со дна моря народного, сильной и гордой натурой, поющей въ гласа всему миру и даже небу.

И вотъ написавъ пьесу подъ заглавіемъ «Палачъ»: сапожникъ, пьяница,

но демоническая натура, бѣсится въ тискахъ судьбы, богохуствуется, — «Ты, творящій, что бы палачествовать!» — и наконецъ, на зло Палачу, удавшись.

А написавъ, пришелъ, обливаясь горючими слезами отъ волнения и самолюбия, къ знаменитому писателю. А знаменитый писатель прочитавъ пьесу и заплакалъ и увѣрилъ, обнадежилъ, что пьеса пойдетъ въ Художественномъ театръ. И авторъ пьесы сошелъ съ ума отъ мечтаній и гордости, рѣшилъ, что завтра онъ будетъ богатъ и славенъ — и вслѣдствіе этого женился и снялъ квартиру возлѣ Художественнаго Театра...

Пьесу, конечно, не приняли. Легко вообразить себя все остальное!

Изумительна моя судьба. Нужно же было мнѣ родиться въ такое время! Взять хотя бы литературу: въ ней на моихъ глазахъ началось и длится ея позорная гибель, превращение ея въ самый безстыдный и отвратный балаганъ...

Талантъ талантомъ, а все таки «всякая сосна своему бору шумитъ». А гдѣ мой боръ? Съ кѣмъ и кому мнѣ шумитъ?

— Важный, надменный швейцаръ... — Что-то задумчиво шепчутъ кипарисы...

— Тетка Авдотья, куркара Мавра... — Старинный барскій домъ съ колоннами, статуи съ отбитыми носами, валиющаяся въ травѣ...

— Иванъ Ивановичъ замыкалъ шестое...

— На столѣ весело бурлилъ ярко вышнѣнный самоваръ...

— Бѣляна на Волгѣ какъ лебедя купчиха...

Звѣздъ шептали землѣ свои золотыя сказки... — Лукавая пристяжная... — Избушки, какъ-то сиротливо жмушится другъ къ другу... — Домашняя снѣдь, челядь, чады и домашныи... — И еще: какъ любили подобные писатели изображать, какъ Иванъ Ивановичъ, засыпая, свиститъ, «выfliesаетъ рулады носомъ!» Какъ назойливо были они добродѣтельны, честны! И сорокъ летъ эти писатели были излюбленными писателями «передовой» интеллигенции и не смѣли писать иначе, быть иными: въду у нихъ непремѣнно долженъ былъ быть «читатель-другъ» и «огоньки впереди»...

Впрочемъ, и всѣ тѣ новые, что пришли имъ на смѣну, всѣ эти модернисты всѣхъ мастей, оказались еще пошлѣе и по жаргону, и по темамъ, которые стали обязательны по новой модѣ. И ихъ новизна стала отвратительна столь же быстро, какъ солдатское сукно, которымъ украсили фойе Художественнаго театра.

Дѣды и отцы наши, начавшіе и прославившіе русскую литературу, не все же, конечно, «по теплымъ водамъ ѣздили, мѣняли людей на собакъ» да «гуляли съ книжками Парни въ своихъ паркахъ, среди искусственныхъ проточекъ и статуи съ отбитыми носами», какъ это многимъ кажется теперь. Они знали свою народъ, они не могли не знать его, весь вѣкъ живя съ нимъ въ кровной близости, и не имѣли нужды быть користными и несвободными въ своихъ изображеніяхъ его, какъ неурно доказали это, напримеръ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Толстой и многие прочие.

А потомъ что было? А потомъ «спорвалась цѣль великая», пришелъ «разночинецъ», по первыхъ, гораздо менѣе талантливыи, чѣмъ его предшественникъ, а во вторыхъ, угрюмый, обиженный, пыщій горькую (посчитайте-ка всѣхъ этихъ Левитовыхъ, Орфановыхъ,

Николаевъ Успенскихъ) и вдобавокъ сугубо тенденциозный (пусть съ благими цѣлями, но тенденциозный) да еще находившійся въ полной зависимости отъ направленія своего журнала, отъ идеологии своего кружка, отъ обязанности во что бы то ни стало быть «гражданиномъ», отъ милости Скабицкихъ. А потомъ количество пишущихъ, количество профессионаловъ, а не прирожденных художниковъ, количество *поддѣлающихъ лодъ художество*, все растетъ и растетъ, и читатель питается уже мастеровиной, либеральной лживостью, обязательнымъ народолобиемъ, пошлѣйшимъ трафаретомъ: если лошади, то непременно «россинтанъ» или «лукавая пристяжная», если уѣздный городъ, то непременно санья въ грязи среди плошадки да герань въ окнѣ, если комодъ, то обязательно «пузатый», если помѣщикъ, то ужъ, конечно, крѣпостникъ, звѣрь, если деревня, то только «ломчатая избенка, жмушится другъ къ другу и какъ то бояливо взирающія на проѣжаго», если «огоньки», то не иначе, какъ символическіе... и Богъ мой, сколько легендъ о жестокостяхъ крѣпостного права или о Стенькѣ Разинѣ!

Златовратскій... Интереснѣйшая фигура!

Сколько летъ этотъ самый Златовратскій былъ чуть не для всей интеллигенции истинно Иверской! Онъ искренне мнилъ себя великимъ знаткомъ народа (его самыхъ основныхъ «устоевъ», глубины его души и «золотыхъ сердечъ», его «извѣчныхъ чаяній», его «подоплеки», его языка, его быта). Онъ считалъ себя замѣчательнымъ писателемъ, такимъ, что и дѣло хмуро и презрительно тунитъ назъ Толстымъ, а если хвалилъ, то тоже какъ-то свисало, небрежно. Что Толстой! Онъ считалъ, что онъ и самъ мудрецъ, въ некоторыхъ отношеніяхъ даже почише Толстого: «Да, талантъ, но и чепухи въ головѣ не мало», нервно

говорилъ онъ про Толстого, по своему обыкновенію ворчливо, глядя куда-то въ уголъ, по мѣлвѣишъ качаясь, бродя по комнатамъ въ опущенныхъ штанахъ, въ закошенной косовороткѣ, набивая машинкой палпирсы. И все мурлыка свои большія брови, чувствуя, вѣроятно, до чего даже и наружность его можетъ потягаться съ толстовской наружностью, — эти брови, маленькіе глазики, огромный лысый лобъ, остатки длинныхъ жидкихъ волосъ, вообще весь его мужицко-патриархальный видъ, видъ какого-нибудь Пося Песоча, Писа Сысоча (излюбленные имена его героев изъ стариковъ).

Ко мнѣ снисходилъ, даже иногда похваливалъ. Разъ пробормоталъ: — Да, ничего, ничего... Последняя ваша вещица сдѣлала-бы честь и болѣе крупному таланту... Писать можно... Почти всю жизнь прожилъ въ Москвѣ, въ Гиришахъ. Бывали у него только его горячіе почитатели и единомысленники. Возраженій онъ не терпѣлъ. Изъ писателей болѣе всего были ему милы самоучки.

Какъ интеллигенція почерпаетъ свои знания о народѣ? Помимо литературы, еще и посредствомъ общенія съ народомъ, а общеніе это, напримеръ, такое: Поздней ночью, влѣчи изъ гостей или съ какого-нибудь засѣданія на старенькомъ, гнущомъ извозчикѣ по улицамъ Москвы или Петербурга, по-зѣвая, спрашиваетъ: — Извозчикъ, ты смерти боишься? И извозчикъ машинально отвѣчаетъ дураку барину: — Смерти? Да чего-жъ ее боится? Ее боится нечего. — А японцевъ, какъ ты думаешь, мы одолѣмъ? — Какъ не одолѣть? Надо одолѣть. — Да, братъ, надо... Только вотъ въ чемъ заманка то: царца у насъ нѣтъ! Да и царь — какой онъ, въ сущности, русский? — И извозчикъ сдержанно подкидываетъ:

— Это вѣрно. Вотъ у насъ нѣмцевъ управляющій былъ — за всякую поправу полтинникъ до цѣлковой! Прямо собака...

Вотъ вамъ и готова твердая увѣренность, что «нашъ мужицко мудр» относится къ смерти, что онъ революционеръ и такъ далѣе.

Профессоръ С. О. Фортунатовъ не умѣлъ зажечь лампу, свѣчку.

Нанимая квартиру, дѣлалъ съ хозяйкой письменное условіе, что она (или ея прислуга) должна сама зажечь ему огонь.

И сколько было такихъ! И всѣ, уходя съ засѣданія, яростно продолжали спорить даже и въ прихожей и надѣвая различныя или чужія кашоши.

Чеховъ однажды (по своему обыкновенію, совершенно внезапно) сказалъ мнѣ: — Знаете, какая, нѣсколько летъ тому назадъ, была исторія со мной? — Ли, посмотрѣвъ некоторо время въ лицо мнѣ черезъ пенсне, принялъохотать: — Понимаете, поднимается я какъ-то по главной лестницѣ московскаго Благороднаго Соборанія, у зеркала, спиной ко мнѣ, стоитъ Н. Н. — онъ называлъ фамилию знаменитаго актѣра, — держитъ за пуговицу Потопено и настойчиво, даже сквозь зубы, говоритъ ему: «Да поймай-же ты, что ты теперь первый, первый писатель въ Россіи!» — И вдругъ видитъ въ зеркалѣ меня, краснѣетъ и скороговоркой прибавляетъ, указывая на меня черезъ плечо: «И онъ...»

Отличная, по моему, исторія. Откуда у русскихъ актеръвъ такая ненасытная жажда лести, — измѣнить безъ всякой мѣры, восхитаться до непристойности, быть столь несдержаннымъ въ словахъ?

Чрезвычайно типичная черта вообще для русской природы, а для актерской

День Татьяны

Праздник Московского Университета, праздник родной культуры — прекрасная Татьяна. В этот день ученыя Москва гуляла, шумела, пляла. «Gaudeamus» разливался, спотыкался. Спорили, дрались, и обнимались, и встать славилось светлое — вперед! В этот день свежель, молодильный чунства; устранили смотр завты, идеалы. Свежий лик Татьяны — оживлял.

Вспомнил этот день, как славу. Русская культура, от Татьяны, от влады Московского Университета, — встала прочно, прошла по свету, и мы по праву можем говорить: насъ знатю: Мы внесли. Мы — дали.

Правда, мы растеряли много дорогого. Но будем вверять: мы не потеряли вѣры. Русская культура — культура вѣры в человека, в прекрасное, что в человеке есть — отъ Бога. Это — съ нами. Оно — в культурѣ духа, сердца. Это сохранимъ и пронесемъ. Вернемъ России. Все будем вверять, что наступитъ день, и мы споемъ — «Gaudeamus».

Здѣсь мы не одиноки. На европейской почвѣ культура наша не заглохнет. Но тамъ, въ Россіи, гдѣ-то, — меркнетъ свѣтъ, Татьяна - Мученица наша гаснетъ, хлѣбъ духовный — наноситъ. Для многихъ наноситъ и хлѣбъ насущный. День Татьяны мы встрѣтимъ свѣтлыми сердцемъ, во имя ихъ.

Московское Землячество устраиваетъ въ воскресенье — «Татьянинъ Вечеръ». Споемъ «Gaudeamus». Пригласимъ Великомученицъ нашей, все, кто можетъ, — привѣтъ и помощь. Не забудемъ!

Воскресенье, 24-го, — Salon Victor Hugo (46 - bis, rue S-t. Didier) въ 9 ч. веч. въ помощь нуждающимся интеллигентамъ - москвичамъ, — Grand Concert, Cabaret et Bal, блестящаго состава.

Привѣтъ Татьянѣ!
Питомецъ Московскаго Университета
Ив. Шмелевъ.
Парижъ.

Обокраденный

Вѣднѣй Чукотскій. Его обокрали. Въ свое время онъ написалъ книгу для дѣтей и озаглавилъ ее пѣть же гдѣ-то свѣтъ, Татьяна - Мученица наша гаснетъ, хлѣбъ духовный — наноситъ. Для многихъ наноситъ и хлѣбъ насущный. День Татьяны мы встрѣтимъ свѣтлыми сердцемъ, во имя ихъ.

Объ этомъ онъ рассказываетъ самъ въ письмѣ въ редакцію, напечатанномъ въ «Извѣстіяхъ».

Впрочемъ, воръ укралъ также одну строчку его стиховъ и пѣсколько измѣнившую картинку иллюстратора прежняго «Мойдодыра» — Ю. Анненкова.

Самъ Чукотскій рассказываетъ объ этомъ такъ:

«На дняхъ одинъ московскій житель вообразилъ, будто «Мойдодыр» его собственность.

Находясь во власти этой пріятной иллюзии, онъ взялъ получить бумаги, напечатанъ на немъ крупными литерами «Мойдодыр», поставилъ полностью свое имя и даже фамилию, и совершенно забылъ обо мнѣ, слово я вообще къ «Мойдодыру» никакого отношенія не имѣю.

Тутъ же, на лицейской стѣнѣ, приподнявъ строчку моихъ стиховъ, конечно, безъ указанія источника, да, кстати, переиспечена въ пѣсколько измѣненіемъ видѣ одна картинка Ю. Анненкова изъ моего «Мойдодыра» безо всякаго, конечно, упоминанія объ Анненковѣ.

Если бы я былъ механикъ, и изобрѣлъ какую нибудь побрякушку, я бы могъ охранить свои права. Но такъ какъ я всего только русскій писатель, и мое изобрѣтеніе — книга, то всякій, кому не лѣнь, можетъ похитить у меня не только темы, образы, ритмы и рифмы, но даже заглавіе, даже рисунки, даже цѣлыя строки стиховъ, въ и мои въ никакой возможности защитить свое изобрѣтеніе отъ этихъ литературно-музыкальных налетчиковъ.

А между тѣмъ, само слово «Мойдодыр» — слово ли, хорошо ли, изобрѣтено мною, и я совсѣмъ не желаю, чтобы каждый промахнувшійся пользовался этимъ заглавіемъ для своихъ коммерческихъ надобностей.

На обложкѣ сего музыкальнаго опуса сказано, что онъ принадлежитъ къ репертуару Московскаго театра Волынаго Балета.

Я вспоминаю, что, дѣйствительно, въ прошломъ году этотъ Московскій театръ поставилъ «Мойдодыра» тоже безъ моего разрѣшенія и вѣдома. Правда, потомъ онъ раскаялся и привнесъ мнѣ свои извиненія и даже обещалъ уплатить слѣдующій мнѣ гонораръ, но до сихъ поръ не уплатилъ, дожилаясь по забывчивости.

Бѣднѣй Чукотскій!
Lollhus.

Хитрый грузинъ

Во всѣхъ географическихъ характеристикахъ народомъ, которая не всегда раскладывается съ жизнью, о грузинахъ говорятъ все, что угодно (и больше хороше), но о хитрости ихъ никогда. Грузины не хитростью славны, а совѣмъ на оборотъ.

Но вотъ оказывается, нашелся хитрый грузинъ, и какъ это часто бываетъ съ униками, перешелъ въ всѣхъ и способный всѣхъ перехитрить. Большевики, большіе цѣнители жизненныхъ добродѣтелей, сейчасъ же этимъ уникамомъ завладѣли.

Эту грузинскую лису, у себя не ко двору пришедшую, прекрасно живописуетъ «Экзельсиоръ» (номъ отъ 4 января), снабдивъ жизнеописаніе соответствующимъ портретомъ.

Физія каторжная, что и говорить. Густая шапка волосъ, густые усы, тучно гримъ, надѣленный на верхнюю губу, брови въ видѣ вопросительнаго знака и глаза — правый искусственный лѣвый открытый. Вся голова сидитъ низко на плечахъ, точно насторожился.

Перейдемъ отъ физіи къ жизнеописанію. Сталинъ (Джугашвили), — рѣчь идетъ, конечно, о немъ, — оставаясь все время на второмъ планѣ, при помощи довшихъ ходовъ, въ которыхъ она ружилъ настоящій тактичекскій гонимъ, онъ давалъ рулемъ правленія въ РКП.

«Хитрый грузинъ» (le rusé Géorgien) принялъ сначала за Троцкаго, паденія котораго онъ добился, заручившись со дѣйствіемъ Каменева и Зиновьева. Общими силами глава красной арміи былъ устраненъ со своего высокаго поста.

Нокончивъ съ Троцкимъ, Сталинъ взялся за своихъ друзей Зиновьева и Каменева. Дѣло мастера боятъся и Сталинъ долго дождакъ дождаться, чтобы въ концѣ концовъ дождаться до Гинкину власть эксплуатирова неслучай Коминтерна.

Съ Каменевымъ дѣло было легче. Чего лѣнь перешителный, трижды, онъ безъ особаго труда далъ себя отстранить съ высокаго поста. Джугашвили сталъ играть теперь перенувшуюся роль въ РКП и воспользовался своимъ влияніемъ, чтобы укрѣпить свою позицию. Онъ сумѣлъ создать въ РКП вѣрное себѣ огромное большинство, которое могло бы поддержать его въ случаѣ атаки со стороны противниковъ.

Обезопасивъ себя съ этой стороны,

Сталинъ сдѣлалъ самый ловкій, можетъ быть, ходъ въ своей жизни: онъ вернулъ изъ изгнанія Троцкаго и забралъ его подъ свою протекцію, чѣмъ, конечно еще больше унижалъ всемогущаго нѣкогда шефа красной арміи.

Зиновьевъ, однако, еще держался и готовился къ рѣшительному бою. Но у Сталина были свои вѣрные люди среди партійныхъ ораторовъ.

На XIV съѣздѣ партіи они набросились, какъ свора спущенныхъ съ цепи собакъ, на Зиновьева и вскрыли его игру противъ Сталина (это то, что называлось у юристовъ «встрѣпный искъ»).

Результаты извѣстны. Каменевъ, долго колебавшійся куда примкнуть, въ послѣднюю минуту съ дурацкимъ самолюбиемъ съ Зиновьевымъ что дало Сталину возможность однимъ выстрѣломъ уложить 2-хъ матерыхъ зайцевъ.

Впрочемъ не все удача и ловкость рукъ Сталина? у него и позиция была благодарная. Весь споръ по существу шелъ изъ за власти, которую РКП нельзя было ни на минуту выпустить изъ рукъ. Зиновьевъ, «лама изъ Амстердама» Крусская и др. стояли за чистоту грязныхъ коммунистическихъ принциповъ, Сталинъ, смотрящій въ корни, не шей, за НЭПъ и даже РАЗНЭПъ. Метафизики проиграли.

Мих. Лавда.

Совѣтская Россія

РАКОВСКІЙ УБЪЯЗЛЪ ИЗЪ МОСКВЫ ОПТИМИСТОМЪ

«Извѣстія» сообщаютъ о докладѣ Раковскаго на тему «Франція и СССР», прочитанномъ имъ 15-го января, въ «Домѣ врачей».

Раковскій, между прочимъ, заявилъ: «Можно съ удовольствіемъ отмѣтить, что во французскомъ общественномъ мнѣніи и въ краснорѣчивомъ вопросе о долгахъ намѣчается благоприятный сдвигъ. Есть основаніе полагать, что нѣкоторые французскіе круги подготовлены къ рѣшенію вопроса о долгахъ въ формѣ даже болѣе удовлетворительной для насъ, чѣмъ мы сами можемъ предполагать. Въ тѣсной связи съ вопросомъ о долгахъ стоитъ вопросъ о предоставлении намъ кредитовъ. Мы согласимся взять на себя обязательства по уплатѣ долговъ только при условіи, если одновременно съ этимъ намъ будутъ предоставлены возстановительные кредиты. И въ этомъ отношеніи въ сознаніи политическыхъ круговъ Франціи начинаеть утверждаться мысль, что намъ нужно помочь для того, чтобы мы могли въ извѣстной формѣ и части платить долги «Во Франціи внутри страны средства для нашего кредитованія найдутся».

АНТИСЕМИТСКОЕ УБИЙСТВО ВЪ БОБРУЙСКОМЪ УЪЗДѢ

«Извѣстія» (отъ 17 января) сообщаютъ, что Бобруйскій прокуроръ далъ ихъ корреспонденту слѣдующія разъясненія по поводу напущеннаго случая убійства въ деревнѣ Жирковѣ двухъ евреевъ.

«На этихъ дняхъ къ нему явилась делегация отъ жирковскихъ крестьянъ, и сообщила, что все крестьянство деревни Жирковъ возмущено совершеннымъ въ окрестностяхъ деревни убійствомъ двухъ евреевъ. Жирковскіе крестьяне определенно утверждаютъ, что убійцами являются два мѣстныхъ жителя, которые уже долгое время пользуются покровительствомъ Стрѣльнической районной милиціи, издѣваются надъ крестьянами Жирковки, произволятъ у нихъ обыски, ходятъ вооруженные и терроризируютъ населеніе.

Одновременно съ приходомъ делегации прокуроръ получилъ телефонограмму объ убійствѣ отъ предсѣдателя Стрѣльническаго райисполкома.

Слѣдственныя власти немедленно арестовали подозрѣваемыхъ въ убійствѣ и приступили къ разслѣдованію жалобы крестьянъ на Стрѣльнискую милицію. Обвиненіе Стрѣльнической милиціи въ провозвѣстѣ и погнаніи въ большей своей части подтверждается».

Жара, сушь и ураганъ. А воды нѣтъ, у пожарныхъ всего двѣ водовозки и четыре лошади. Буиню, съ гуломъ, съ ревомъ пылали одновременно: земская управа, почта, казначейство, лучшіе магазины... А народъ, шальная Русь, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, сошелъ съ ума отъ дикарскаго восторга и отъ возможности безнаказанно безчинствовать: разбили винный складъ, разбавили винныя бочки, пили ковшами, пригоршнями, перепились звѣрски, обсновались, орали, плясали среди этого огненнаго ада... Одинъ пьяный, носясь съ горящей головней въ рукахъ, неистово кричалъ:

— Жги, поджигай! Пускай все, все сгоритъ!

И все покрывали дикіе вопли какого-то вполне обезумѣвшаго, растерзаннаго купца, бросавшаго въ народъ деньги:

— Братцы! Родные! Все бросайте! Мой домъ отстаивайте! Мой!

ПРОСТЫНИ ЛЕНИНА

По случаю ленинской годовщины, газета Парижскій Вѣстникъ со слезами упреждаетъ, вспоминая простыни домашней жизни усопшаго вождя.

«Что можетъ дѣлать, что, когда Владимиръ Ильичъ задремлетъ и, когда требуется частая сѣмена, съ постельнаго белья въ семьѣ Лениныхъ не было никакой простыни. А между тѣмъ это было такъ...»

Конечно, въ день годовщины усопшаго товарища и вождя, было бы лучше совѣмъ не вспоминать про мокрая простыни бѣднаго паразитика. Но это вопросъ тактика, и разъ Парижскій Вѣстникъ вынесъ эти простыни въ свѣтъ на всеобщее обозрѣніе, то въ отвѣтъ совѣтскому офицеру мы можемъ только сказать:

— А что же смотрѣла партія? А о чѣмъ думали товарищи?

— Все бѣлье въ Россіи, можно сказать, сперли, а вождя на мокрой простынѣ умирать оставили... Эхъ, организация!...

НОВАЯ НАЗНАЧЕНІЯ СРЕДИ КОММУНИСТОВЪ НА УКРАИНѢ

Замѣститель предсѣдателя украинскаго Совнаркома и экономическаго совѣта Булатъ отстраняется отъ этихъ должностей. Совнаркомъ Украины представилъ на утвержденіе украинскаго Цикъ-Владимирскаго на постъ народнаго комиссара рабоче - крестьянской инспекціи и Маура на постъ предсѣдателя верховнаго украинскаго суда.

ЗАТРУДНЕНІЯ ВЪ ДОСТАВКѢ ЗАГРАНЧНАГО УГЛЯ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ

Изъ за увеличивающагося дефицита въ Финскомъ заливѣ владѣющихъ пароходовъ отказываются отправлять пароходы съ заграничнымъ углемъ въ Петроградскій портъ. При такихъ условіяхъ возможенъ перерывъ въ доставкѣ заграничнаго угля до весны. Въ виду этого совнаніе при Промбюро признало необходимость предложить Донугло принять въ мѣры къ погрузкѣ въ январѣ 4.200.000 пуд. донецкаго угля для Ленинграда, а также увеличитъ погрузку для Ленинграда въ февралѣ съ полутора милліона до 4 милліонъ пудовъ.

Недавно (въ концѣ іюня сего чотырнадцатаго года) сгорѣлъ почти до тла вѣднѣй городъ.

Ив. Буинскій.

Ив. Буинскій.

ОЧЕРЕДНОЙ ВЕЧЕРЪ „Общества Друзей Вечерняго Времени“
въ воскр. 24 янв. съ участіемъ г-жи М. А. Спиридовичъ и г-жи Коротковой — камерное пѣніе.
55, rue de la Pompe. — Métro: Pompe. — Aut.: AV.
Входъ исключительно по членскимъ билетамъ. Гости по письменной рекомендаціи членовъ. Входная плата съ членовъ 3 фр., гостей 5 фр.

Въ финскомъ заливѣ

Застраившіе по льду пароходы въ тяжеломъ положеніи. Продукты на пароходахъ начали истекать. Кончается и уголь. Работу ледоколовъ осложняютъ сильныя морозы. Сейчасъ по льду стоитъ 31 пароходъ.

Среди застрявшихъ пароходъ «Тора» съ грузомъ суперфосфата проситъ по радио прислать продовольствие, такъ какъ среди команды начался голодъ. «Некаръ» находится по льду съ 28 декабря. Винтъ у него сломанъ льдомъ, руль сильно поврежденъ. «Альтенграмъ» попалъ въ ледяныя поля и съѣлъ на подводные камни. Въ трюмахъ его началась течь, но пароходъ держится на волѣ, откачивая воду всѣми своими насосами.

«Штральзундъ» сбивъ льдами съ курса и наскочилъ на каменный рифъ, Нѣсколько пароходовъ прошли въ Ревель, гдѣ разгружаются.

Нѣмецкій пароходъ «Готтенгофъ», застрявшій въ предѣлахъ Финскаго залива, 17-го января подаль сигналы бедствия и сообщаетъ, что онъ оутился безъ топлива и пищи. На помощь ему въ спѣшномъ порядкѣ выхлѣлъ ледоколъ съ продовольствіемъ и топливомъ. Получено также радио съ парохода «Марленбургъ», застрявшаго во льдахъ. Пароходъ проситъ срочно выслать провизію. Продовольствие немедленно выслано на ледоколъ.

Прекратилось пародное движеніе между Ревелемъ и Стокгольмомъ. Ледъ распространяется со скоростью 30 миль въ сутки.

“ГАРЕМЪ”

Отъ Митрополита Евлогія

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Многоуважаемый Господинъ Редакторъ!

Позвольте мнѣ чрезъ посредство Вашей уважаемой газеты выразить мою глубокую, сердечную благодарность всѣмъ, потчившимъ меня своимъ добрымъ привѣтомъ съ Праздникомъ Рождества Христова и въ Новый Годъ.

Взаимно отъ всей души, молитвенно привѣтвую всѣхъ съ Новымъ Годомъ и шлю свои лучшія пожеланія.

Да благословитъ Господь для всего насъ вѣнецъ наступающаго лѣта своєю благодію.

Митрополитъ Евлогій
1—14 января 1926 г.

Иностранная жизнь

Германія

ВСТРѢЧА НОВАГО КАБИНЕТА

Новый кабинетъ, созданію котораго значительно содѣйствовало энергичное вмѣшательство президента Гинденбурга въ ходъ переговоровъ, встрѣченъ сочувственно газетами умѣренныхъ партій. «Кельнские Цейтунгъ» пишутъ: «Со ставъ новаго правительства обезпечиваетъ его нейтральность. Онъ состоитъ изъ наадрѣжнаго умѣреннаго правого канцлера Лютера, трехъ членовъ народнаго партій, одного баварца, трехъ предсѣвателей центра, и трехъ демократовъ. Объ этомъ правительствѣ дѣйствительно нельзя сказать, ни справа ни слѣва, что оно носитъ односторонній характеръ». «Форвертс» призываетъ къ отъ роженности. «Конечно, Кюльшъ — скромная похвала! — лучше Шиле, Рейнгольда лучше Шлибена, Марксъ лучше Френкена. Лютеръ остается Лютеромъ, Гесслеръ Гесслеромъ, Браунъ самимъ собою, Штрессманъ также... «Германія» говоритъ, что будущее кабинета зависить отъ его общественной политики но многое также лежитъ наотвѣтственно сти с. - д., безъ которыхъ нынѣшній кабинетъ не сможетъ вести политику большаго коалиціи. Правыя газеты упрекаютъ новое министерство въ рѣзкомъ уклонѣ налѣво.

Парламентское положеніе кабинета считается прочнымъ. Правда, партія вѣдущія въ него имѣютъ только 173 мѣста изъ 493. Однако, ни националисты, ни с. д., не намѣрены свергать кабинета, а большинство могло бы составить противъ него только въ томъ случаѣ, если бы вмѣстѣ голосовали за недовѣріе и націоналисты и с. - д.

Индія

КТО ТАКОЙ ТЕОСОФСКІЙ «МЕССИЯ»?

Недавно мы сообщили о провозглашеніи на Мадрастѣ «новаго мессіи» — индуса Кришнамурти. Провозглашеніе это было затѣяно пресловутой Анни Бетантъ.

«Фосессие Цейтунгъ» въ номерѣ отъ 17 января въ замѣткѣ, подписанной С. Зауеромъ, сообщаетъ подробности, рисуя личностъ Кришнамурти въ не очень выгодномъ свѣтѣ.

Въ 1910 г. Анни Бетантъ взяла на воспитаніе двухъ сыночекъ одного мадраскаго брамина. Завоту о нихъ она поручила безызвѣстному теософскому «епископу» Лэдбитеру. Кришнамурти уже тогда готовили какъ будущаго мессію: поиску въ Европѣ и въ Индіи оказывались ему необыкновенныя почести. Вскорѣ, однако, всплыли наружу факты, которые нѣсколько остудили энтузіазмъ даже въ кругахъ теософовъ.

Отвѣтъ мальчишка обвинилъ Чарльза Лэдбитера въ пресудительномъ поведеніи по отношенію къ будущему мессію. Дѣло разбиралось въ верховномъ судѣ въ Мадрастѣ и закончилось тѣмъ, что оба мальчишка были отняты у Лэдбитера и возвращены отцу.

Исходъ процесса явился тяжелымъ ударомъ для Теософскаго Общества. На долгое время всякіе толки о Кришнамурти замолкли. Но года четыре тому назадъ они стали появляться въ качествѣ Монмартра въ командѣ подозрительныхъ молодыхъ людей.

Такое, если вѣрить сотрудничку «Фосессие Цейтунгъ», жизненный путь теософскаго мессіи».

Зарубежная Россія

Франція

КАЗАЧІИ ВЕЧЕРЪ ДОНСКИХЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИХЪ КУРСОВЪ.

15 января с. г. въ залѣ Palais Pompeen состоялся концертъ - балъ и кабаръ, устроенный Еленой Кирилловной Орловой и графиней С. И. Граббе — въ пользу учащейся молодежи Донскихъ политехническихъ курсовъ.

Въ музыкальной программѣ приняли участіе извѣстные артисты: Гертиония Належда Николаевна Лейттенбергская, Ольга Іосифовна Преображенская, Мар. Алек. Спиридовичъ, Юрій Морфессъ, Скаржинскій и др.

Кромѣ того выступалъ казачій хоръ пѣсенниковъ и танцоровъ. Донская казачка Марія Янопа портановала «русскую» и «казачскую». Въ 10 час. осчастливила вечеръ своимъ посѣщеніемъ Великая княгиня Елена Владиміровна со своею дочерью принцессой Мариной Греческой.

На вечерѣ собралась вся казачья колонія находящаяся въ Парижѣ, а также много видныхъ представителей вообще всей русской колоніи.

Среди гостей надо отмѣтить: князь Никита Александровичъ съ супругой, графиня Е. В. Шувалова, княгиня М. Радзивиловъ, свѣтлѣйшая княгиня Горчакова съ дочерьми, кн. Мещерская, ген. мил. леръ, ген. Шатиловъ съ супругой, ген. Сычевъ съ супругой, пред. союза инженеровъ Н. Н. Изналь, ген. Орловъ и всѣ

КАЗАЧІИ ВЕЧЕРЪ ДОНСКИХЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИХЪ КУРСОВЪ.

16 сего января, въ удобномъ, тепломъ, свѣтломъ помещеніи Sours de l'Hotel группой русскихъ любителей театрального искусства, данъ былъ большой спектакль - балъ.

Группой малороссовъ подъ руководствомъ Ф. С. Лабушника представлены были:

«Кумъ Мирошникъ» и «Буваляшина»

Особенно гладко прошла «Буваляшина». Видъ малоросскаго села на сценѣ — заставилъ болѣзненно забыть сердце. Отъ нея дохнуло Родиною. Но «взводъ» вечера были казаки Финляндско - Кубанскаго этаніи. Они дали цѣлыхъ два отдѣленія своихъ пѣсенъ, танцевальнаго и танцевъ. Въ извѣстныхъ чертахъ въ народныхъ бѣлыхъ шапочкахъ, сіеоченные вокругъ своего атамана полковника Елистева, дружные, молодые и веселые — они встряхнули всѣхъ, толкнувъ къ веселю какъ русскихъ, такъ и французскихъ. Ихъ буфетъ «острый» и дешовый — онъ лопился отъ публики. До 4-хъ часовъ утра грѣмѣлъ оркестръ, полъ грохоталъ отъ танцевъ. Было такъ весело и просто, что ни на комъ не расходился.

Наша общая благодарность устроителю вечера атаману казаковъ полк. Елисею и режиссеру малороссовъ Ф. С. Лабушнику.

Змитель.

Сегодня, въ субботу, 23 января, въ 7 час. 30 мин. вечера, въ залѣ Моризо (5-бис, Плясъ Насондъ, Бйанкуръ, влѣтъ трамвая н.ом. 1) пущимъ отъ Дура, влѣтъ набережнѣ) газета Возрожденіе устраиваетъ докладъ Б. Н. Неандера на тему: «Очередныя задачи Зарубежной Россіи. Входъ свободный и безплатный».